

Саша АНДЕР

СТРОГАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ И...

Будущему певцу погибели

*Мир надгробьем станем им,
ну, а ты умрёшь седьмым*
(Из стихотворения «Седьмой» Йозефа Аттилы)

Слово – трескучий фальш.
Мир – подборка восприятий.
Жизнь – вскрытая изнутренность.
Двуглавые орлы – обезглавлены властью.
Человек – падаль и корм для акул.
Дело – успешный бизнес, как обычно.
Счастье – утроба погребя в комфорте плюс.
Ты буди – падшей богоподобной тварью,
чью рюмку не рискнули даже помыть,
из которой пил на краю погибели.
Меж строк, взвитых ошарашенной копной,
в день седьмой седьмым соседу по столу,
ты проснешься удалым от сказки наконец
в некрологе как не свой, не своим, не чьим.
И слова твои – след черной крови на губах.

Синева

*где бы я ни был,
что бы я ни делал,
всюду предо мною эта синева*
(из народного)

заглушился азан, не слышно, не слышно петуха
как только, как только, только приснилась

Саша Андер родился в 1997 году в Вольске. В 2017-м переехал в Санкт-Петербург. Публикации: «Феромоны» (самиздат, 2018), повесть «Петергофский этюд» в альманахе «Черные дыры букв» (Самара, 2021), стихи и рассказы в 25 номере журнала «Вещь» (Пермь, 2022), книга стихов «Фаталь оргазм» в издательстве «Русский Гулливер» (Москва, 2022). Подборки стихотворений: «Кастоправда», «Прочтение», «Формаслов».

в поезде твоя могилка, на твоей могилке
голубые маки, голубые маки как твои глаза
под землёй, сиречь, под землёй твои глаза
приглушился азан твой радикальным ридикулем
под голубыми этими маками на твоей могилке
и не слышно, не слышно ни одного петуха
сварили петуха с голубыми маками и вином
на твоих, на твоих похоронах в лодочке-поезде
на двоих не выпить на твоих похоронах
внутренние гастарбайтеры все цветы смели
смели все цветы, все голубые маки твоих глаз
не бьют твои глаза, не бьют твои глаза набат

Не предел радости, когда выходит то,
на что можно рассчитывать от случая
к случаю: как-то в вечер добрый путь
метнешься ебким сленгом и пятками
как не своими на пленэры без схваток,
где не слышно, читает ли свойка Сапфо,
разве что угрюмые варнаки на шиханах
спивают весну по мере добычи и градуса,
там кусты сирени с жасмином благоухают,
а рядом же там тутовая вонь разложений,
ничего, что милым не будешь и близким,
только не сильно вой на луну в непогоду,
не станет от этого яснее, светлее и чище,
а если всё херня в планетарной матрице,
можно сказать: зачем так уж рыпаться,
есть ли разница между одним и третьим,
а третьего от других следующих шагов,
мир устроен просто: из букв и молекул,
так что замри, или протри дни от пыли,
усердней там, где ее скопилось больше,
но только это не обещает еще улучшений,
бьющими в нос клинической дезинфекцией,
спокойно тогда, когда ничего и никого нет,
но хорошо и тем, кто как-то есть и нашелся,
особенно-то на сопках среди разбойников,
которые не меньше стремятся к радости,
поэтому ли соловьи запевали о грустном,
когда радость разве что залетала в форточку,
а откроешь ворота, слышится: запахло весной!

El Me Mintio

Раздутому как труп коту не хватает редуксина,
а в мире конфликтов необходимы ошибки
сталкивать с другими до верных отклонений,
хоть и горько звучит голос Аманды Мигель,
когда внутренний плач о любви рвется наружу.
Но в искажающей пульсации гало лампы,
под теплым вибрато распевоу угнии и раи
тайным возлюбленным, был я шеб Сархан,
когда вокруг должны были быть разбросаны
не тел желания, а пышные пионы с лилиями.

Русалка на рифе однажды сидела,
плескала воду о воду и ракушки в нее бросала,
сонаты и сюиты, пляды вариаций фантазий
подмигиваний и воздаяний игр на лире она посвящала
артистам на белоснежном пляже в тихоокеанской лагуне,
где танцуют буги-вуги под светодиодными огнями,
все-украшенные они плетением маргариток.

Расскажи раскрытая на письме и чтении книга,
как продолжать еще сильнее стараться
и для чего оно было и будет нужно,
пока я не принял транквилизатор
против тревоги и для спокойного сна
в выпавшем случае ли или уже основательном
головном дурдоме с печным отоплением.

Меньше бы думать и давать доводы и отводы
фактам, постоянно норовящим сокрыться
в причитаниях и приговорах.

Огонь уходит к огню, и тем самым
не гаснет, языками лаская цвета –
все ярче становятся переливы
пурпурного света после схлопа
беспокойства и радости,
шагавшие ранее вместе рука об руку.

Когда огонь уходит к огню, он не гаснет,
в этом его обречение – зародившись не гаснуть,
не больше и не меньше того

в разбегающихся поверх-словах,
не касаясь ещё даже струн души,
извлекающих запредельные звуки.

В нарастающем оркестром и темпом шуме
ходоки мерили поверхности по трещинам,
по рельефу рельс тянулись вагоны-пикколо,
там же за окном сходились щебетом птицы;
пытался я вспомнить, как вчера засыпал ми-
минорно долго заземляясь на пух с миром,
умытый с дегтярным мылом под покоем душа
перед полуденной встречей на поле вереска;
(была бы рядом мама, то просил бы не будить,
пока мой принц не придет и не будет его рядом);
но того было не миновать – громкого гула,
который со скрипом прошел через голову,
а чья-то рука схватив сжимала мое сердце,
отчего я вскочил с пробуждением, значительно
оправившись позже, лишь когда посмотрел запись,
где пританцовывает Басаев под нашид «Къодимун»,
то есть когда она напомнила не самим шахидом,
а игривой воинственностью того самого принца;
во сне же он учит стремиться к нему и становиться:
сильнее, смелее, бушующе разудальным, – как он;
только не гонец он до спящих и расчерченного круга
тем мелом с кальцием у школьной доски без решения,
а возвращенец он, которому прошептать бы на ушко
так тепло, как поется в песне: «ах, солнце, где ты?»

Ах, мой милый, слышно ли по кардиограмме нити,
по тому, как сердце обостряет бьющие звуки вокруг
той нервной системы, что вышла не за очертания
своего тела, до твоих далее долетает ли мой строй,
равняющийся по тебе, за кем я отчаянно следую?
Где бы ты ни был, порадуй меня своей улыбкой,
дай мне порадовать тебя стараниями, молю я Боже.

Тише, тише говорите, –
тот, кто тихо говорит,
иногда выходит отсюда сам.
Этим незатейливым судьбам

жгли ветхозаветные костры.
У первобытного зверя все больше пустот,
он лакает даганские воды, с клыков стекает
первоклассный токсин; артериального
давления мерят заточенные ракушки,
и капает на побережье, мешаясь с глиной.
Радости ближних не увидится больше,
ушедших на борту в иные миры.
Обрывают те тянущиеся руки,
лежащие в землю, которых больше,
больше не полюбят,
больше не вспомнят,
вскоре всех позабудут.
И когда мы все тоже сдохнем,
то сами забудем,
кого любили,
кого помнили,
кого ждали,
кого хотели,
кого не дождались.
Мы про всех забудем,
то есть мы сами забудем,
потому и смертные мы.
Чистые фантазии далеки от жизни,
в которой предельно чуждо быть.
Лети над аулом, лети над местами,
точна лишь медэскпертиза и их показания
в капкане Хроноса над падением в синь,
за всеми новопреставленными –
молитесь, чтобы это война не была последней,
если ждёте продолжения, которое непременно будет,
как все того хотели,
как и будут хотеть далее
во все новых поколениях Че.